

Исследовательская статья

УДК 316.654

DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6

Дидковская Я. В.
Вишневский Ю. Р.
Зырянова О. Б.

Социальная безопасность студенческой молодежи
как субъективное восприятие рисков

Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б. Н. Ельцина
улица Мира, дом 19, Екатеринбург, 620002, Россия
I.V.Didkovskaia@urfu.ru
j.r.vishnevsky@urfu.ru
o.b.zyrianova@urfu.ru

Аннотация. В статье подчеркивается актуальность исследования проблем социальной безопасности в условиях углубляющегося социально-экономического и политического кризисов, нестабильности взаимодействия институтов власти и гражданского общества. Представлен анализ безопасности молодежи с позиций антропоцентрического подхода как субъективного ценностного отношения индивидов и групп к совокупности жизненных рисков в актуальных условиях, выражающегося в чувстве защищенности от рисков, уверенности в завтрашнем дне, а также образе будущего. Результаты статьи получены на основе данных опроса студентов третьего курса, обучающихся по программам бакалавриата в 13 вузах Екатеринбурга, который реализован методом анкетирования, отбор респондентов осуществлен с помощью квотно-гнездовой выборки (N=2000). Доказывается, что несмотря на достаточно высокую долю уверенных в завтрашнем дне студентов, горизонт планирования жизни довольно узок для существенной части молодых людей и охватывает ближайшее будущее до 5 лет. Кроме того, студенческая молодежь характеризуется скорее негативным образом будущего, среди основных социальных фобий уральского студенчества – падение уровня жизни, возможные политические беспорядки в стране, конфликты и ухудшение отношений с другими странами. Выявлены риски, относительно которых студенты чувствуют наименьшую степень защищенности, установлена зависимость между социальными идеалами молодых людей и степенью защищенности от рисков: наименее защищенными чувствуют себя студенты, разделяющие в качестве ориентиров развития общества толерантность, соблюдение прав человека, высокий жизненный уровень; чувствуют себя в относительной безопасности от различного рода рисков студенты, для которых в качестве социальных идеалов приоритетны сильная государственная власть и сохранение традиций.

Ключевые слова. Социальная безопасность; студенческая молодежь; жизненные риски; восприятие рисков

Информация для цитирования: Дидковская Я. В., Вишневский Ю. Р., Зырянова О. Б. Социальная безопасность студенческой молодежи как субъективное восприятие рисков // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 57-70. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6

Yana V. Didkovskaya
Yuri R. Vishnevskij
Olga B. Zyrjanova

Social security of student youth as a subjective perception of risks

Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin
bld. 19 Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia

I.V.Didkovskaia@urfu.ru

j.r.vishnevsky@urfu.ru

o.b.zyrianova@urfu.ru

Abstract. The article emphasizes the relevance of studying the problems of social security in the context of the deepening socio-economic and political crises, the instability of the interaction between government institutions and civil society. The article presents an analysis of youth security from the standpoint of the anthropocentric approach as a subjective value attitude of individuals and groups to the totality of life risks in current conditions, expressed in a sense of security from risks, confidence in the future, as well as the image of the future. The results of the article were obtained on the basis of data from a survey of third-year students enrolled in undergraduate programs at 13 universities in Yekaterinburg, which was implemented by a questionnaire method, the selection of respondents was carried out using a quota-nested sample (N=2000). It is proved that despite a fairly high proportion of students confident in the future, the horizon of life planning is rather narrow for a significant part of young people and covers the near future up to 5 years. In addition, student youth is characterized by a rather negative image of the future, among the main social phobias of the Ural students are a drop in living standards, possible political unrest in the country, conflicts and worsening relations with other countries. The risks are identified, in relation to which students feel the least degree of protection, the relationship between the social ideals of young people and the degree of protection from risks is established: students who share tolerance, observance of human rights, and a high standard of living as guidelines for the development of society feel the least protected; students feel relatively safe from various kinds of risks, for whom strong state power and the preservation of traditions are a priority as social ideals.

Keywords: social security; student youth; life risks; perception of risks

Information for citation: Didkovskaya, Ya. V., Vishnevskij, Yu. R., Zyrjanova, O. B. (2022), "Social security of student youth as a subjective perception of risks", *Research Result. Sociology and management*, 8 (4), 57-70. DOI: 10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-6

Введение (Introduction). Общество-политические события последних лет наглядно показали хрупкость и иллюзорность безопасности в мире. Тем не менее эти события вполне укладываются в тенденцию милитаризации и роста конфликтности, усложняющую современные

социодинамические процессы (Подольская, Назаркина, 2016). Это актуализирует научное социологическое осмысление происходящего, а главное, показывает значимость не только фиксирования сиюминутных реакций различных социальных субъектов на ситуации небезопасности, но и вскрытия ценностей, отношений, мотивов,

лежащих в основе этих реакций, анализа социальных практик, формирующих отношение людей к безопасности и субъективное чувство защищенности.

Очевидно, что длительное проживание в условиях социального стресса и напряженности не способствует здоровью общества в целом и его отдельных социальных субъектов, особенно уязвимой в этом плане выступает молодежь как группа наиболее остро и эмоционально реагирующая на социальные сдвиги и подверженная разнообразным рискам (Чупров, 2015).

В социологической науке сегодня активно ведется дискуссия, в том числе по определению содержания самого понятия социальной безопасности. Важным этапом в ней стало отделение понятия социальной безопасности от государственной (Daase, 2014), наделение его широким самостоятельным смыслом (включая уровень и качество жизни, защиту повседневных интересов граждан, доступность граждан к различным источникам информации и т.д.), хотя, по-прежнему, в качестве основного субъекта обеспечения безопасности преимущественно рассматривается государство и его институты, реализующие социальную политику, а остальные субъекты безопасности лишь фиксируются (Крючкова, 2018: 227, Самыгин, Степанов, 2014: 55, Grayson, 2010). Тем не менее в научном сообществе прослеживается рост внимания к проблематике социальной безопасности, предпринимаются попытки исследовать вопросы безопасности в широком социальном контексте как результат взаимодействия различных социальных субъектов – государства и его институтов, политических элит, гражданского общества, правозащитных организаций, индивидов и социальных групп (Шипунова, 2016 а).

Однако, при достаточно высоком внимании социологов к проблемам безопасности, социальных рисков и доверия довольно редко проводится анализ конкретных социальных практик на основании четко определенных теоретико-методологических пози-

ций. Эту ситуацию замечает и Санкт-Петербургский исследователь Шипунова, которая предполагает, что такой анализ мог бы продемонстрировать скрытые интенции субъектов безопасности, что «чрезвычайно актуально для российской действительности, переживающей социально-экономический и политический кризисы, а также нестабильность взаимодействия институтов власти, правящей элиты и гражданского общества» (Шипунова, 2016 б: 110)

В связи с этим, в задачи нашей статьи входило определение теоретико-методологических оснований изучения социальной безопасности в контексте основного дискуссионного вектора – безопасность общества и страны versus защищенность прав и свобод граждан, а также анализ на их базе ценностных установок и некоторых аспектов социального самочувствия студенческой молодежи, формирующих ее отношение к безопасности, чувство защищенности от различных угроз и рисков.

Методология и методы (Methodology and methods). Оценивая концептуальные разработки тематики безопасности в современной социологии, мы можем выделить два основных вектора, в русле которых развивается научный поиск. Во-первых, это применение концепта безопасности в рамках социоцентристского подхода к ее проблематике, во-вторых, исследование субъективной составляющей социальной безопасности с позиций антропоцентризма.

Анализ безопасности в социоцентристском ракурсе проистекает из концептуальных идей Дюркгейма, а позднее, Мертона о социальной аномии как состоянии социума, в результате которого индивид лишается ценностно-нормативного основания своих действий, то есть того, что Гидденс впоследствии назовет «онтологической безопасностью». Социальные кризисы, влекущие за собой риски и угрозы индивиду извне, подталкивают его к девиантному поведению, а в случае стабильной социальной ситуации поведение индивида становится социально приемлемым. Со-

гласно теоретикам социально-психологического направления в лице А. Маслоу базовая потребность в безопасности актуализируется в условиях социальных кризисов и уходит на второй план в стабильно-функционирующих социальных системах. Эту позицию Маслоу подкрепляет утверждением о потребности индивида в опеке «сильных родителей» – защитников (Маслоу, 1999). Таким образом, в логике соционцентристского рассуждения о безопасности ее ведущим фактором мыслится социальная стабильность, а основным агентом, обеспечивающим гарантию индивидуальной безопасности извне, выступает государство, либо абстрактный социум. В ряде современных зарубежных соционцентристских концепций безопасность выступает не только как часть ценностно-нормативной системы, но и как основа социальной политики. Так, М. Биланджич (Bilandžić) определяет социальную безопасность в широком смысле как состояние общества, в котором граждане чувствуют себя в безопасности от рисков, а в узком смысле – как систему поддержания доходов и получения основных прожиточных пособий (Bilandžić, 2018).

На наш взгляд, фокусирование внимания на обеспечении безопасности в основном извне, «сверху», со стороны государства и его институтов, а также понимание безопасности как некоего состояния стабильно функционирующей системы¹, не дает внятного варианта ответа на важную этическую дилемму, о которой в последнее время дискутируют ученые обществоведы – дилемму общественного контроля и индивидуальных прав и свобод. Совершенно справедливо указывает Дж. Хагманн (Hagmann): в современном обществе контроля информационно-технологические системы управления безопасностью настолько обширны, что от них уже невозможно ни отказаться, ни спрятаться (Hagmann, 2017). Проблематизация вопроса

в данном случае заключается в том, чтобы установить, где проходит граница (и каким образом она преломляется в субъективном ощущении индивидов) между деятельностью государства и его институтов как гарантов безопасности и состоянием, когда государство само становится риском и угрозой для безопасности граждан. Кроме того, еще одна претензия к соционцентристскому подходу может состоять в очевидной неспособности государств и международных организаций противостоять глобальным угрозам безопасности последних лет, в частности пандемии и локальным вооруженным конфликтам. В этой связи целесообразным представляется обращение к методологии человекоориентированных подходов в социологическом дискурсе безопасности, особенно в контексте роста значимости субъективного фактора в развитии и функционировании современного мира (Тощенко, 2015: 113).

Антропоцентрический подход восходит к веберовскому учению о природе социального действия, в котором Вебер указывает на необходимость рассмотрения не столько внешних, сколько внутренних стимулов (целей, смыслов, ценностей), побуждающих индивида к тому или иному социальному действию. Он фокусируется на внимании к индивидуальному вкладу в безопасность, признавая за индивидами способности оказывать влияние не только на свою собственную безопасность, но и на безопасность всех социальных уровней.

Обобщая антропоцентрический дискурс социальной безопасности, мы выделяем несколько категорий, посредством которых осуществляется теоретический анализ. Прежде всего, это категория социальной дезорганизации, впервые введенная в социологический оборот У. Томасом и Ф. Знанецким, и интерпретируемая ими как «уменьшение влияния существующих социальных правил поведения на индивидуальных членов группы» (Томас, Знанецкий,

¹ Федеральный закон «О безопасности» № 390-ФЗ от 28.12.2010. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/32417>.

1918). Ситуация социальной дезорганизации (социальной нестабильности) может быть скорректирована путем социальной реконструкции, то есть разработки нового набора социальных правил, в большей мере удовлетворяющим изменившимся потребностям индивидов и групп. В дальнейшем идея о влиянии индивидов на социальные изменения продолжает свое развитие в учении П. Штомпки о социальной травме – следующей категории, через которую возможно раскрытие безопасности с позиций антропоцентризма. Доказывая, что индивиды с разносторонним широким образованием, с толерантным не догматическим мировоззрением, имеющие большую разветвленную сеть социальных связей, наиболее приспособлены к осознанию и преодолению травмы, Штомпка дает характеристику адаптивному потенциалу индивида в случае дестабилизации общества. Таким образом, ему удается показать важную роль индивида в становлении и преодолении небезопасности, неустойчивости окружающего мира.

Социальное самочувствие как эмоционально-оценочное отношение индивидов к окружающей социальной реальности и своему месту в ней может выступать в качестве еще одной категории, через которую воспроизводится безопасность в русле антропоцентризма. Ж. Т. Тощенко рассматривает социальное самочувствие как важный индикатор социального настроения и социальной стабильности / нестабильности общества (Тощенко, Харченко, 1996). Иными словами, в контексте теории социального настроения возникает понимание безопасности как субъективного отношения индивидов и групп к возможным угрозам. Рассматривая молодежь в качестве субъекта безопасности, мы преимущественно акцентируем внимание на ее социальном самочувствии, обращенном на перспективу, на складывающийся в ее сознании образ будущего, поскольку для молодежи как особой социально-демографиче-

ской группы, осознанность жизненных перспектив играет ключевую роль (Дидковская, Трынов, 2019).

Наконец, в качестве завершающей категории для выбора теоретико-методологического основания исследования безопасности мы рассмотрим категорию риска. Согласно рискологическим концепциям социума (Э. Гидденс, Н. Луман, У. Бек, Ю. Зубок и др.) индивид существует в недискретном потоке оценивания и принятия решений по поводу окружающих рисков. Как отмечают Ю.А. Зубок и В.И. Чупров индивид постоянно взаимодействует с рискогенной средой, в результате чего формируется специфический характер повседневности, латентно опосредованный отношением к тем или иным жизненным рискам (Зубок, Чупров, 2017). Интерпретируя социальную безопасность через реагирование индивидов на риски, мы снимаем противоречие социцентризма (сведение установления безопасности к функции системы или государства) и антропоцентризма (субъективизация рисков), поскольку безопасность как субъективное отношение индивидов к рискам, восприятие опасностей, доверие/недоверие, формируется именно во взаимодействии с объективно существующими опасностями, в процессе оценивания индивидами их вероятности, в том числе эмоционального оценивания. Эта оценка вероятности рисков подразумевает ценностную подоплеку: выбор критериев, по которым происходит измерение степени опасности, и представления о доминирующих источниках возможных рисков, имеют непосредственное отношение к ценностным ориентациям индивида; его система ценностей выступает своего рода призмой, которая, в конечном итоге, выстраивает субъективное видение конфигурации рисков и угроз своей безопасности в конкретных жизненных условиях.

Таким образом, социальную безопасность молодежи мы анализируем как субъективное ценностное отношение индивидов и групп к совокупности жизненных

рисков в актуальных условиях, которое выражается в чувстве защищенности, доверия, уверенности, а также оптимистичном образе будущего. При этом основными направлениями изучения социальной безопасности молодежи выступают во-первых, степень ее общей уверенности в будущем, которая конкретизируется в оценке вероятности наступления определенных событий в ближайшем будущем, связанных с актуальными общественно-политическими условиями; во-вторых, субъективная оценка уровня своей защищенности от рисков как внешних, в том числе продуцируемых функционированием социальных и государственных институтов, так и внутренних, обусловленных особенностями жизнедеятельности молодежи; в-третьих, связь данного субъективного отношения к рискам и ценностных ориентаций молодежи, выраженных в желаемых перспективах общественного развития.

Эмпирические результаты, представленные в статье, были получены на основе данных последнего этапа социологического мониторинга «Студент – 2020», реализованного под руководством профессора Ю. Р. Вишневого и при активном участии остальных авторов статьи. Методом анкетирования опрошены студенты третьего курса, обучающиеся по программам бакалавриата в 13 вузах Екатеринбурга (N=2000; опрос проводился на платформе Google Form, всего было заполнено 2300 анкет и потом случайным образом из них отобраны 2000). В исследовании была использована квотно-гнездовая выборка: в качестве гнезд рассматривались вузы, а в качестве квотных признаков выступили пол и профиль обучения респондентов (гуманитарный, социально-экономический, математический и естественно-научный, инженерный). Обработка и анализ данных проводились при помощи пакета программ для статистической обработки данных SPSS Statistics.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Опира-

ясь на то, что важным показателем самочувствия молодежи относительно своей безопасности является образ ближайшего и отдаленного будущего, мы проанализировали степень уверенности студентов в завтрашнем дне и степень их уверенности в своем будущем в целом. Результаты опроса показывают, что на первый взгляд, доля уверенных в завтрашнем дне среди студентов довольно высока – в той или иной мере чувствуют уверенность более 60% молодых людей (19% уверены в завтрашнем дне и 42% скорее уверены, чем не уверены). Однако по мере отдаления горизонта будущего эта уверенность снижается: так, если говорить не о ближайшей перспективе – завтрашнем дне, а о более далекой – будущем в целом, то уже только 52% чувствуют ту или иную степень уверенности (21% уверены и 31% скорее уверены, чем нет). Кроме того, возрастает и степень неопределенности в самочувствии молодежи – не смогли определить свое отношение к завтрашнему дню около 9% респондентов, а в оценке своей уверенности в будущем таких уже 26%. При этом почти 30% студентов отмечают, что их уверенность в будущем ослабла под влиянием пандемии Covid-19.

Неуверенность в будущем транслируется на горизонт планирования: существенная часть молодежи строит планы только на ближайший год (29%) и около четверти на ближайшие 5 лет (24%). Еще 15% респондентов вообще отказываются планировать свою жизнь, возможно декларативно, но тем не менее это отражает их установку относительно устойчивости перспектив (живу одним днем, не строю планов), 11% студентов затруднились ответить. Таким образом, группа студентов, строящих планы на долгосрочную перспективу немногочисленна, и составляет чуть более 20%: строят планы до 10 лет – 10%, и планируют на всю жизнь – 11%. Само по себе отсутствие долгосрочных планов нельзя интерпретировать как однозначно негативный тренд. С одной стороны, он во многом отражает гибкость и адаптивность устано-

вок молодежи на будущее, кроме того, значительная часть молодежи все же пытается планировать свою жизнь на перспективу. Но, с другой стороны, очевидно, что эта перспектива, в основном, весьма краткосрочна – не более одного года, и в основе такого сужения горизонта планирования лежит чувство небезопасности, артикулируемое студентами, по крайней мере половиной из них, как неопределенность перспектив, неуверенность в своем будущем.

Общее эмоциональное отношение к будущему конкретизировалась нами с помощью студенческих оценок вероятности наступления различных событий, касающихся жизни страны в ближайшее время (до 5 лет). По сути, это оценка потенциальных внешних рисков versus перспектив, которые в совокупности формируют «ландшафт» чувства социальной безопасности у молодежи и помогают понять с какими именно угрозами сопряжена неуверенность и неопределенность в оценках будущего у существенной части студенчества.

События, предложенные респондентам для оценки, в ходе анализа были разде-

лены нами на позитивные (изменения условий, создающие некие возможности) и негативные (риски и угрозы, обозначающие значимые социальные фобии). Результаты демонстрируют, что если перевести общий вопрос об уверенности в завтрашнем дне в конкретную плоскость, то установки молодежи относительно возможного будущего не столь оптимистичны (Таблица 1). В рейтинге наиболее вероятных событий в оценке студентов лидируют абсолютно все негативные события, начиная от угрозы роста цен, инфляции и снижения уровня жизни, вероятность которой оценивается респондентами максимально высоко (66% опрошенных считают это событие наиболее вероятным), и заканчивая угрозой наступления авторитаризма или тоталитаризма в стране, что считает наиболее вероятным пятая часть опрошенных (20%). По поводу последнего факта заметим, что опрос проводился еще до ключевых социально-политических событий 2021-2022 гг., в том числе до ужесточения законодательства и усиления цензуры.

Таблица 1

Оценка вероятности наступления событий и трендов в ближайшем будущем.
Рейтинг социальных фобий студентов (оценка потенциальных рисков)

Table 1

Assessment of the probability of occurrence of events and trends in the near future. Rating of students' social phobias (assessment of potential risks)

Ожидание негативных событий (социальные фобии) / Expectation of negative events (social phobias)	Доля респондентов,% / Percentage of respondents,%	Ожидание позитивных событий / Waiting for positive events	Доля респондентов,% / Percentage of respondents,%
Рост цен, инфляция, снижение жизненного уровня / Rising prices, inflation, decline in living standards	66	Развитие наукоемких отраслей и инноваций / Development of knowledge-intensive industries and innovations	19
Политические беспорядки, протесты, митинги в стране / Political unrest, protests, rallies in the country	48	Увеличение информационной открытости, свободы в обществе / Increasing information openness, freedom in society	17
Конфликты, ухудшение отношений с другими странами / Conflicts, deterioration of relations with other countries	41	Принятие законов и программ, способствующих развитию бизнеса / Adoption of laws and programs that promote business development	12

Ожидание негативных событий (социальные фобии) / Expectation of negative events (social phobias)	Доля респондентов,% / Percentage of respondents,%	Ожидание позитивных событий / Waiting for positive events	Доля респондентов,% / Percentage of respondents,%
Наступление авторитаризма или тоталитаризма в стране / The onset of authoritarianism or totalitarianism in the country	20	Успешные экономические и социальные реформы / Successful economic and social reforms	4

Вероятность позитивных событий (развития наукоемких отраслей и инноваций, роста информационной открытости общества, успешных реформ и др.) не поднимается выше 19%. В перспективы российской экономики вообще верят только 4% студентов, и это еще до введения санкций 2022 г.

Такой негативный образ будущего, сложившийся в сознании студенческой молодежи, во многом объясняет полученные показатели субъективной защищенности от различных рисков (Таблица 2). На основе ответов студентов все риски можно условно разделить на 3 группы: во-первых, угрозы, вызывающие существенную обеспокоенность студентов (с отрицательными значениями индекса защищенности), в дан-

ную группу попали угрозы со стороны произвола чиновников, произвола правоохранительных органов, преследования за политические убеждения, бедности и безработицы; во-вторых, проблемы, видимо, имеющие для студентов определенную значимость, но все же не ощущаемые как существенные для них угрозы, например, экологические опасности, или преступность, для которых значения индекса хотя и положительны, но близки к 0; в-третьих, риски, относительно которых студенты чувствуют себя в сравнительной безопасности, с высокими положительными значениями индекса защищенности – в частности, риски подвергнуться дискриминации из-за пола, возраста, национальных или религиозных убеждений.

Таблица 2

Оценка студентами своей защищенности от различных рисков, %

Table 2

Students' assessment of their security from various risks, %

Риски / Risks	% от респондентов / % from respondents					Индекс* / Index*
	Защищен / Protected	Пожалуй, защищен / Perhaps protected	Трудно сказать / It's hard to say	Пожалуй, не защищен / Perhaps not protected	Совсем не защищен / Not protected at all	
От экологической угрозы / From the environmental threat	18	20	25	24	13	+0,01
От притеснений из-за Вашего возраста или пола / From harassment because of your age or gender	45	25	15	11	5	+0,54
От ущемления из-за Вашей национальности / From infringement because of your nationality	66	18	11	3	3	+0,78
От притеснений из-за	59	18	14	4	5	+0,58

Риски / Risks	% от респондентов / % from respondents					Индекс* / Index*
	Защищен / Protected	Пожалуй, защищен / Perhaps protected	Трудно сказать / It's hard to say	Пожалуй, не защи- щен / Per- haps not protected	Совсем не защи- щен / Not protected at all	
Ваших религиозных убеждений / From harassment because of your religious beliefs						
От преступности / From crime	22	16	24	18	20	0,00
От произвола чиновников / From the arbitrariness of officials	15	8	25	19	34	-0,30
От произвола правоохранительных органов / From the arbitrariness of law enforcement agencies	22	14	24	16	25	-0,05
От преследований за политические убеждения / From persecution for political beliefs	27	11	22	13	27	-0,02
От бедности / From poverty	19	20	21	16	24	-0,01
От безработицы / From unemployment	19	18	25	18	21	-0,02

* Индекс защищенности рассчитан как разность между суммой ответов «защищен» и «пожалуй, защищен» и суммой ответов «пожалуй, не защищен» и «не защищен», выраженная в долях единиц (пронормированная на 100%).

* The security index is calculated as the difference between the sum of the answers "protected" and "probably protected" and the sum of the answers "probably not protected" and "not protected", expressed in fractions of units (100% normalized).

Анализируя показатели субъективной защищенности от рисков, мы видим, что основное ощущение небезопасности у студентов в большей мере связано с рисками, генерируемыми дисфункциональностью институтов государства, именно тех, которые по идее должны обеспечивать защиту и безопасность граждан (социальную, правовую и др.) – с произволом чиновничества, правоохранительных органов, преследования за политические убеждения. Высокий уровень негативных ожиданий молодежи относительно экономического благополучия (роста цен, инфляции, невозможности экономических и социальных реформ в стране, см. Таблицу 1) провоцирует чувство

незащищенности от бедности и безработицы.

Результаты исследования позволили подтвердить наше основное предположение: субъективное ощущение защищенности/ незащищенности от рисков сопряжено с определенными ценностными ориентациями молодежи, выраженных в ее социальных идеалах – желаемых векторах общественного развития. Среди социальных идеалов студенческой молодежи наиболее популярными оказались ориентации на высокий жизненный уровень и экономическое благополучие (75%), демократию и соблюдение прав человека (58%), равенство и справедливость (44%), эффективную ры-

ночную экономику (37%). Наименее востребованы у молодежи векторы развития в сторону общества, где ценят традиции и опыт поколений (12%), усиление государственной власти (15%), правда, и развития гуманистических ценностей (15%). Наши результаты вполне сопрягаются с данными социологических опросов Левада-центра, полученными в период 2020-2021 гг., согласно которым российская молодежь, в отличие от более старших поколений, в большей мере отдает предпочтение экономическому благополучию, толерантности к меньшинствам и западноевропейским ценностям, нежели государственному патернализму (Волков, Гончаров, Снеговая, 2020). То есть, характеризуя общий тренд, мы получаем следующую ситуацию: видение желаемой социальной перспективы молодежью тяготеет скорее к спектру либеральных и социал-демократических ценностей, нежели традиционно-охранительных и этатистских ориентаций. Это создает важное с точки зрения влияния идеологически окрашенное поле в молодежном сознании, в котором и происходит оценка доминирующих рисков и угроз.

Для анализа связи степени защищенности с социальными идеалами молодежи мы отобрали те риски, относительно которых молодежь чувствует наименьшую защищенность, то есть отнесенные ранее к первой группе рисков с отрицательным значением индекса защищенности (см. Таблицу 2). При этом мы сформировали вторичную дихотомическую переменную, укрупнив ее значения следующим образом: альтернативы «защищен» и «пожалуй, защищен» преобразованы в «да» (защищен в той или иной мере), альтернативы «пожалуй, не защищен» и «совсем не защищен» в «нет», (не защищен в той или иной мере), что позволило упростить анализ и представление его результатов. Корреляционный анализ на основе хи-квадрат критерия Пирсона и коэффициента Крамера показал наличие значимой статистической взаимосвязи между большинством социальных идеалов студентов и их субъективной защищенностью/ незащищенностью от рисков (Таблица 3).

Таблица 3

Зависимость между значимыми социальными идеалами студентов и их субъективным чувством защищенности от рисков, в% от отметивших ценность по каждому риску*

Table 3

The relationship between students' significant social ideals and their subjective sense of security from risks, in% of those who noted the value for each risk*

К чему должна наша страна стремиться в первую очередь? (ценности) / What should our country strive for in the first place? (values)	Чувствуете ли вы себя защищенным от / Do you feel protected from									
	произвола чиновников / arbitrariness of officials		произвола правоохранительных органов / arbitrariness of law enforcement agencies		Преследований за политические убеждения / persecution for political beliefs		Бедности / poverty		Безработицы / unemployment	
	Да / yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No
К эффективной рыночной экономике / Towards an efficient market economy	33,3	66,7	50,2	49,8	51,9	48,1	54,1	45,9	52,9	47,1
К сильной госу-	47,0	53,0	59,6	40,4	61,7	38,3	63,1	36,9	59,1	40,9

К чему должна наша страна стремиться в первую очередь? (ценности) / What should our country strive for in the first place? (values)	Чувствуете ли вы себя защищенным от / Do you feel protected from									
	произвола чиновников / arbitrariness of officials		произвола правоохранительных органов / arbitrariness of law enforcement agencies		Преследований за политические убеждения / persecution for political beliefs		Бедности / poverty		Безработицы / unemployment	
	Да / yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No	Да / Yes	Нет / No
дарственной власти / To a strong state power										
К достижению высокого жизненного уровня / To achieve a high standard of living	26,8	73,2	43,9	56,1	46,3	53,7	46,0	54,0	45,4	54,6
К обществу, где высоко ценят традиции / To a society where traditions are highly valued	47,7	52,3	65,7	34,3	65,3	34,7	62,8	37,2	56,8	43,2
К толерантности, уважению прав меньшинств / Tolerance, respect for the rights of minorities	26,4	74,6	43,7	56,3	45,2	54,8	44,1	55,9	40,9	59,1
К соблюдению прав человека, демократии / Respect for human rights, democracy	23,0	77,0	38,7	61,3	40,4	59,6	43,3	56,7	42,2	57,8
К обществу, с которым считаются другие страны / To a society that other countries consider	24,4	75,6	41,4	58,6	44,7	55,3	41,5	58,5	44,5	55,5

*Втаблице представлены только те социальные идеалы, которые показали значимую корреляционную связь с переменными, измеряющими субъективную защищенность от различных рисков

*The table shows only those social ideals that have shown a significant correlation with variables measuring subjective protection from various risks

Из данных Таблицы 3 видно, что выделяется группа молодежи, которые чувствуют себя сравнительно защищенными от различных рисков как социально-политического, так и экономического характера,—

это студенты, преимущественно разделяющие этатистские и консервативные ориентации – их идеалом выступает общество с сильной государственной властью и обще-

ство, в котором ценят приверженность традициям. Среди них наблюдается наиболее высокая доля респондентов, чувствующих себя защищенными от правоохранительных органов и преследований за политические убеждения. Кроме того, «государственники» и «ценители традиций» чувствуют себя в большей безопасности от бедности и безработицы по сравнению со студентами, придерживающихся иных взглядов на желаемые направления развития общества.

Еще одна специфическая группа студенческой молодежи, напротив, ощущает себя не защищенными и уязвимыми – студенты, разделяющие, условно говоря, либеральную линейку ценностей – стремление к демократии и правам человека, толерантность и уважение прав меньшинств, высокий жизненный уровень. С данными социальными идеалами сопряжено чувство незащищенности прежде всего от преследования за политические убеждения и произвола правоохранительных органов (особенно это характерно для респондентов, разделяющих ценности прав человека и демократии), а также незащищенность от экономических рисков бедности и безработицы. К данной группе близки по показателям защищенности респонденты, отметившие в качестве желаемых ориентаций общественного развития общество, с которым считаются другие страны. На наш взгляд, связь между данным социальным идеалом и чувством защищенности от рисков требует дальнейшего более глубокого изучения, возможно качественными, а не количественными методами. Остался неясным идеологический посыл, стоящий за выбором данной альтернативы – каким образом подразумевается достичь влияния на другие страны – через сильное милитаризованное государство, создание привлекательного дружественного образа своей страны, или крепкой экономической основы ее благополучия? К сожалению, на данном этапе наш инструментарий не позволил учесть этот момент.

Отдельной группой, занимающей промежуточную позицию, можно назвать сторонников эффективной рыночной экономики, которые ощущают себя более защищенными нежели «либералы», но менее защищенными, чем «государственники». Здесь мы видим некоторый парадокс – ориентация на рыночную экономику идеологически более близка либеральным ценностям, однако, все оценки рисков за исключением произвола чиновничества находятся в положительном поле чувства защищенности, как и в случае с «государственниками», правда разрыв в долях защищенных и незащищенных не так велик (см. Таблица 3). Что стоит за такой неоднозначностью, сравнительная аполитичность этой группы или что-то еще, необходимо также в дальнейшем исследовать.

Заключение (Conclusions). Содержательный анализ ценностей и идеалов, представлений молодежи о будущем дают возможность лучше понять латентные процессы в общественном сознании, которые формируют как чувство защищенности от конкретных рисков и доминирующие фобии молодежи, так и в целом уровень социальной безопасности в ее субъективном смысле.

Оценки студенческой молодежью собственной защищенности от различного рода рисков зависят от ее доминирующих социальных идеалов и выстраиваются вдоль некоего ценностно-идеологического вектора, на одном полюсе которого находится молодежь, разделяющая скорее традиционно-охранительные и этатистские ценности, а на другом – либерально-ориентированная молодежь, выбирающая в качестве приоритетов развития общества высокий уровень жизни, толерантность и уважение прав меньшинств, соблюдение прав человека. При этом если первая группа ощущает себя в относительной безопасности от рисков и угроз, за исключением произвола со стороны чиновников, то вторая, более многочисленная, напротив, чувствует достаточно высокую степень уязвимости для различного рода социально-экономических

и политических рисков. На наш взгляд, основная опасность такой ситуации может заключаться в тенденции формирования у данной группы стойкого ощущения своей дискриминации по принципам жизненных убеждений при условии усиления чувства небезопасности молодежи от рисков, генерируемых дисфункцией социальных институтов (права, бюрократии, социальной защиты, рынка труда).

Кроме того, следует учесть, что вторая группа молодежи более многочисленна и возможно, что ее социальное самочувствие и образ будущего будут определять тренды общественных настроений на ближайшее время. Соответственно углубление исследования ценностных, мотивационных установок групп молодежи, в существенной степени испытывающих чувство незащищенности от рисков и угроз, представляется нам дальнейшим перспективным направлением научного поиска в проблемном поле социальной безопасности.

Список литературы

Волков Д., Гончаров С., Снеговая М. Гражданский активизм российской молодежи. Аналитический отчет Левада-центра. URL: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/> (дата обращения: 06.11.22).

Дидковская Я. В., Трынов Д. В. Социальное самочувствие и ожидания молодежи индустриального региона // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 1. С.202-214.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. Угрозы в трансформирующейся среде обитания как фактор социальных рисков: прогнозирование и регулирование // Социологические исследования. 2017. № 5. С. 57-67.

Крючкова В. С. Основные характеристики понятия «безопасность» в контексте международных отношений: социологический анализ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. № 2. С.223-233.

Маслоу А. Мотивация и личность / перевод с английского А. М. Татлыбаевой; научный редактор, вступительная статья Н. Н. Акулиной. СПб.: Евразия, 1999. 480 с.

Подольская Е. А., Назаркина В. Н. Социальная безопасность: сущность, угрозы и пути обеспечения // Социологические исследования. 2016. № 11. С. 133-139.

Самыгин С. И., Степанов О. В. Социальная безопасность в системе социально-гуманитарного знания о безопасности // Социально-гуманитарные знания. 2014. №11. С.54-59.

Томас У., Знанецкий Ф. Понятие социальной дезорганизации // Перевод И. Ясавеева по: Thomas, W.I., Znaniecki, F. The Polish Peasant in Europe and America, Boston, Vol. 1-5, 1918.

Тощенко Ж. Т. Социология жизни как теоретическая концепция // Социологические исследования. 2015. № 1 (369). С.106-116.

Тощенко Ж. Т., Харченко С. В. Социальное настроение. М., 1996. 195 с.

Чупров В. И., Зубок Ю.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. 230 с.

Шипунова Т. В. Гражданская безопасность и насилие: российские практики // Социологические исследования. 2016. № 6 (386). С.121-128 (а).

Шипунова Т. В. Социальная безопасность: тематизация дискуссионного поля // Журнал социологии и социальной антропологии. 2016. Т. 19, № 2. С. 101-112 (б).

Bilanžić M. Culture and national security: contribution of critical security studies' discussions // Studia Ethnologica Croatica. 2018. № 30 (1). P.227-251.

Daase Ch. Unsicherheit und Politik: Eine Hinführung / Politik und Unsicherheit: Strategien in einer sich wandelnden Sicherheitskultur. Daase Ch., Engert S., Kolliarakis G. (Hg.). Frankfurt am Main: Campus Verlag GmbH, 2014. P. 19-29.

Grayson K. Human security, neoliberalism and corporate social responsibility // International Politics. 2010. № 47. P.497-522.

Hagmann J. Security in the society of control: The politics and practices of securing urban spaces // International political sociology. 2017. № 11 (4). P. 418-438.

References

Volkov, D., Goncharov, S., Snegovaya, M. (2020), "Civic activism of Russian youth. Analytical report of the Levada-Center", [Online], available at: <https://www.levada.ru/2020/10/01/grazhdanskij-aktivizm-rossijskoj-molodezhi/> (Accessed 06 November 2022). (In Russian)

Didkovskaya, Y.N., Trynov, D.V. (2012), "Social well-being and expectations of the youth of the industrial region", *Economic and social changes: facts, trends, forecast*, 12(1), 202-214 (In Russian)

Zubok, Y. A., Chupro, V. I. (2017), "Threats in the transforming habitat as a factor of social risks: forecasting and regulation", *Sociological research*, (5), 57-67. (In Russian)

Kryuchkova, V. S. (2018), "The main characteristics of the concept of "security" in the context of international relations: a sociological analysis", *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social sciences*, (2), 223-233. (In Russian)

Maslow, A. H. (1999), *Motivaciya i lichnost`* [Motivation and personality], translated by A.M. Tatlybayeva, scientific editor, introductory article by N. N. Akulina, Eurasia, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Podolskaya, E. A., Nazarkina, V. N. (2016), "Social security: the essence, threats and ways to ensure", *Sociological research*, (11), 133-139. (In Russian)

Samygin, S. I., Stepanov, O. V. (2014), "Social security in the system of social and humanitarian knowledge about security", *Social and humanitarian knowledge*, (11), 54-59. (In Russian)

Thomas, W. I., Znaniecki, F. (1918), *The Polish Peasant in Europe and America*, Boston, 1-5, translated by I. Yasaveev (In Russian)

Toshhenko, Z. T. (2015), "Sociology of Life as a theoretical concept", *Sociological research*, (1), 106-116. (In Russian)

Toshhenko, Z.T., Harchenko, S.V. (1996), *Social'noe nastroyenie* [Social mood], Moscow, Russia, 195. (In Russian)

Chupro, V. I., Zubok, Y. A., Williams, K. (2015), *Molodezh` v obshchestve riska* [Youth in a society at risk], Yur. Norma, NITS INFRA-M, Moscow, Russia, 230. (In Russian)

Shipunova, T. V. (2016), "Civil security and violence: Russian practices", *Sociological research*, (6), 121-128. (In Russian)

Shipunova, T. V. (2016), "Social security: thematization of the discussion field", *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 19 (2), 101-112. (In Russian)

Bilanžić, M. (2014), "Culture and national security: contribution of critical security studies' discussions", *Studia Ethnologica Croatica*, (1), 227-251.

Daase, Ch. (2014), "Uncertainty and Politics: An Introduction", *Politics and Uncertainty: Strategies in a Changing Security Culture*, 19-29. (In German)

Grayson, K. (2010), "Human security, neoliberalism and corporate social responsibility", *International Politics*, (47), 497-522.

Hagmann, J. (2017), "Security in the society of control: The politics and practices of securing urban spaces", *International political sociology*, (4), 418-438.

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2022 г.
Поступила после доработки 21 ноября 2022 г.
Принята к печати 30 ноября 2022 г.
Received 10 November 2022. Revised 21 November 2022. Accepted 30 November 2022.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Дидковская Яна Викторовна, доктор социальных наук, доцент, профессор Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Yana V. Didkovskaya, doctor of sociology, professor, docent, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Вишневский Юрий Рудольфович, доктор философских наук, профессор, профессор-исследователь Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Yuri R. Vishnevskij, doctor of philosophy, professor, professor, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Зырянова Ольга Борисовна, ассистент Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Olga B. Zyrjanova, assistant, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.